

— Ты...! — Цзи Цзэ стиснул зубы, словно марионетка, из которой вытащили всю силу, и наконец рухнул на пол. — Я... не признаю вину.

Ин Цань кивнул и с улыбкой произнес:

— В таком случае, временно заключите его в тюрьму, пока не завершится расследование!

Как только его слова прозвучали, гвардейцы Юйлинь вошли в зал, возглавляемые главой Приказа Дали Цзи Инхуаем.

— Значит, на этот раз первого места не будет? — Когда Цзи Цзэ уже собирались увести, внезапно заговорил молчавший до этого Бай Цзыцин. — Ваше Величество, это ведь дворцовый экзамен.

Кроме униженного Цзи Дажэня, который внезапно поднял взгляд на Бай Цзыцина, все остальные смотрели на Ин Цаня, включая самого Бай Цзыцина. Но Ин Цань лишь махнул рукой, позволив Цзи Инхуаю увести людей.

— В таком случае, все могут быть свободны...

Бай Цзыцин не двинулся с места. Он сидел на своем месте, наблюдая, как уводят Цзи Цзэ, как Цинь Шэн вместе с остальными чиновниками Министерства церемоний выходит из зала. Виски его пульсировали от боли.

Люди из Министерства церемоний... их тоже затронут. А Цинь Шэн, он тоже замешан в этом?

Зал мгновенно опустел, даже слуги и евнухи исчезли. Когда Бай Цзыцин очнулся, Фан Цзин стоял перед Ин Цанем, что-то ему говоря.

— ...Тебе обидно?

— Нет, — с улыбкой ответил Фан Цзин. — Если Юньхуа может помочь Вашему Величеству, это счастье для Юньхуа.

Бай Цзыцин молча поднялся с места. Его шаги постепенно ускорялись, даже заставив Фан Цзина тихо воскликнуть:

— Ваше Величество!

Он лишь протянул руку к свиткам на столе Ин Цаня. Среди них был один, отличающийся от остальных. Среди всех работ только эта была точь-в-точь как та, что он помнил.

Та самая работа, что была на столичном экзамене.

— Чжан Сюнь был специально внедрен тобой на столичный экзамен? — голос Бай Цзыцина был тихим. Он с силой шлепнул свиток на стол перед Ин Цанем. — Как ты узнал о Цуй Даожуне? Ты внедрил Чжан Сюня, чтобы вызвать у меня подозрения, чтобы посмотреть, как моя семья Бай и семья Цинь связаны, есть ли между ними сговор... Но твоя конечная цель была не семья Бай, а Цзи Цзэ. Потому что он годами был связан с множеством людей в дворе, брал слишком много денег, думая, что те, кто давал взятки, и те, кто их получал, были одними и теми же, и потому нечего было бояться. Но он не ожидал, что Цинь Шэн тоже был твоим человеком.

— Дай мне подумать, как ты связался с Цинь Шэном. Фан Цзин прав, у него не было ключа, получить ключ мог только тот, кто был рядом с Цзи Цзэ. Вероятно, они уже давно были в

сговоре, но в этот раз Цинь Шэн, чтобы спасти свою шкуру, рассказал тебе все и помог выставить Цзи Цзэ, а Цинь Суннянь согласился, чтобы получить репутацию человека, который не замешан, даже публично обвинив, чтобы выбраться из грязи. А Чжан Сюнь просто подливал масла в огонь. Ты нашел подходящего человека, его внешность даже меня обманула. Но ты не ожидал, что я вдруг попрошу посмотреть работы с экзамена, верно? Сколько времени ты писал эту вещь?

Бай Цзыцин закрыл глаза.

— Все эти годы государственные экзамены были для того, чтобы учиться ради чинов, объем бюрократии ограничен, мест мало, Цзи Цзэ из Министерства церемоний ушел, Цинь Шэн ушел, твои люди могут занять их места... Поздравляю.

Место, где рука Бай Цзыцина легла на стол, было уже измято его потом. Он тогда сказал, что эта работа действительно хороша, даже цитировала различные произведения, одна из строк особенно понравилась Бай Цзыцину.

— «Нежное чтение, проникающее в глубину сердца». — Бай Цзыцин вздохнул. — Я думал... Я должен был это понять раньше. Все эти годы государственные экзамены только укрепляли бюрократию, назначение по знакомству, использование служебного положения в личных целях становилось все более распространенным, даже самые строгие правила только увеличивали выгоду чиновников. Ты веришь своим людям, я верю своему отцу. Если ты все еще не веришь в лояльность дома Бай, то я могу убедить отца уйти на покой...

Он поднял взгляд и задал последний вопрос Ин Цаню:

— Почему ты позвал меня сегодня?

Сяо Цзю, увидев состояние Бай Цзыцина во дворе, был шокирован:

— Господин! Почему вы вышли в таком состоянии...

Бай Цзыцин, едва держась на ногах, вернулся во Дворец Сихэ, дыхание его было тяжелым. Он чувствовал боль в голове, ногах, пояснице, болело все тело.

Он сам прекрасно понимал, зачем Ин Цань его позвал. Даже если не ради чего-то другого, ради того случая, когда он покинул дворец, он должен был прийти.

Только он мог стоять здесь, как Фан Цзин.

Фан Цзин был человеком Ин Цаня, слово за словом, он бичевал и допрашивал.

Бай Цзыцин тоже был человеком Ин Цаня, поэтому, рассказал ли ему Бай Шу что-то; сказал ли ему Цуй Даожун что-то; сообщила ли ему принцесса Чанпин что-то... На суде, на чьей стороне он стоял, определяло, заберет ли Ин Цань те «привилегии».

Таким был Ин Цань.

Бай Цзыцин в полусне думал, что, возможно, он хотел не уничтожить семью Бай, а просто заставить его слушаться.

В прошлой жизни он ошибся, слишком доверяя ему, зная, что Ин Цань не будет с ним мягким, и потому в этой жизни он всюду был настороже. Но на этот раз эта осторожность проявилась

слишком явно, так что оказалось, что мантис ловит цикаду, а сзади подкрадывается птица.

Если Ин Цань считал, что его позиция нового императора нестабильна, он обязательно начнет действовать раньше времени.

Он опоздал.

С того дня, как он очнулся, он уже опоздал.

На следующее утро Сяо Цзю принес лекарство из кухни Дворца Сихэ в комнату Бай Цзыцина. Бай Цзыцин уже встал и сидел на мягком диване. Сяо Цзю издали увидел, как он, обмякший, опирался на подлокотник и листал что-то.

Спокойствие было нелегкой задачей.

Во сне были наводнения и хищные звери, были и тонкие облака. Бай Цзыцин проснулся весь в поту, смутно очнувшись, эта болезнь вдруг прошла, без следа... Хотя вчера вечером, когда он в полубреду видел врачей, на их лицах были лишь мрачные выражения. Наверное, он просто выпил слишком много, остатки алкоголя вызвали легкий кашель, Сяо Цзю просто преувеличил.

— Господин, выпейте лекарство. — Он подошел к Бай Цзыцину. — Господин, вы встали так рано, даже не надели одежду, что вы читаете? Не отдохнете немного? Вчера, когда вы вернулись, вы выглядели ужасно...

Бай Цзыцин держал в руках «Записи о таинственном и странном», которые привезли с собой в ящиках семьи Бай, когда он вошел во дворец. Он читал с увлечением. Такие вещи были и во дворце, но он всегда предпочитал свои, и эта привычка не изменилась, став еще более глубокой. Вещи во дворце так или иначе были связаны с Ин Цанем, он даже прикоснуться к ним не хотел.

Бай Цзыцин не хотел откладывать книгу. Он как раз дошел до истории о племенном вожде Гу Ди времен императора Чжоу Цзин-ди, где был человек по имени Доу Шоу, который мог съесть человека и выплюнуть его целым и невредимым, называлось это «большое и малое взаимно порождают друг друга, начало и конец взаимно следуют». Конец был печальным: Гу Ди, жадный, привел к тому, что вся его семья заболела, и через год дом вымер. Это было одновременно печально и интересно.

Сяо Цзю снова позвал его пару раз, и он, не поднимая головы, протянул руку за чашкой с лекарством:

— Если ты сейчас пугаешься, то что будет, когда увидишь, как меня казнят и развеют пепел? Ты ведь упадешь в обморок?

Рука Сяо Цзю дрогнула, его лицо побледнело от ужаса:

— Почему вы говорите такие недобрые слова с самого утра!

— Разве ты не слышал, что у меня есть способность предвидеть? — Бай Цзыцин подмигнул ему, отложил книгу и одним глотком выпил густую, горькую жидкость.

Когда он вернул фарфоровую чашку, маленький евнух все еще выглядел потрясенным, словно хотел спросить что-то, но не решался, как и вчера...

Весь дворец знал, что на экзамене министр церемоний Цзи Цзэ был арестован, Цинь Шэн ушел в отставку с поста управляющего церемониями, а все кандидаты были под следствием из-за разоблачения махинаций на экзаменах, что вызвало гнев императора.

Сяо Цзю красочно рассказал об этом Бай Цзыцину, но тот лишь усмехнулся, ничего не сказав.

Гнев императора? Тот, кто на экзамене улыбался, не говоря ни слова, тот, кто неспешно пил чай, поднимая брови, не подавая и тени холодного взгляда, был, вероятно, другой Ин Цань?

Во дворце было уже столько разговоров об Ин Цане, он думал, что и его не обойдут стороной, но, как выяснил Сяо Цзю, все говорили о Фан Цзине, о нем же не было ни слова, словно никто не знал, что он был там.

Бай Цзыцин подумал, что это неплохо. Поражение в прошлой и этой жизни было поражением от рук того человека, нечем гордиться, но и не так обидно, как он думал. В конце концов, он был недостаточно амбициозен и не мог разрушить радость этого процветания.

<http://bllate.org/book/16479/1496881>